

В РИЖСКОМ театре юного зрителя молодые актеры играли новую пьесу Гунара Приеде «Троянский конь». Действие

начиналось с того, что некая Нора Кайя-Кибуре таинственным и необъяснимым путем захватывала комнату, из которой только что выехала престарелая тетюшка хозяев и в которую уже собрался въезжать младший сын хозяев с молодой женой. Потом оказывалось, что Кайя-Кибуре никакая не захватчица и не авантюристка, а напротив, «посланец доброй воли», и прибыла в Ригу единственно для того, чтобы сказать: не прав отец семейства, рассорившись с женой-агрономом, не правы взрослые сыновья, которым следовало бы почаще навещать мать, благо она работает в ближнем от города совхозе.

Молодым актерам было трудно играть эту коротенькую, в двух действиях, крепко сбитую пьесу. Была в ней неприятная жесткость, ее лаконизм казался вынужденным, рожденным не емкостью, а бедностью содержания, а главное, сам Приеде в этой последней из своих пьес меньше всего был похож на себя прежнего.

В рижском поезде, перечитывая «Троянского коня», я была почти уверена, что еду смотреть неинтересный спектакль. И — ошиблась.

Я увидела нечто значительное — безусловную решимость, с которой молодые актеры боролись за пьесу своего земляка. Боролись за пьесу и с пьесой. Доигрывали, договаривали не сказанное автором. И хотя им не удалось достичь абсолютной победы, пол-

НАЧАЛО БЫЛО СЧАСТЛИВЫМ...

ностью преодолеть многие и серьезные недостатки пьесы, я все же подумала о том, что этой активной веры в драматурга не хватает многим театрам, многим исполнителям пьес и более удачных, чем «Троянский конь». И еще я подумала, что Гунар Приеде обязательно должен знать, помнить об этой вере и быть этой верой сильнее.

Первая его пьеса «Лето младшего брата» появилась в 1954 году. Уезжал на летние каникулы строить колхозный коровник техник-строитель — «младший брат» Угис Даугавиетис, отличник, любимец девушек, поэт. Безусловно, хороший парень совершал безусловно хороший поступок. Многие пьесы — современницы «Лета младшего брата» — подобной ситуацией кончались. А Гунар Приеде с этого начал. И в самой постановке проблемы был вызов, было молодое желание заглянуть за пределы общезвестного, отвергнуть абсолютные и неизменяющиеся, а потому в основе своей нежизненные оценки добра и зла.

Хороший Угис ехал в деревню и открывал вокруг себя мир, не похожий на стройную схему из учебника, и открывал в себе, хорошем, такие черты, с которыми трудно, невозможно жить в этом невыдуманном, полном противоречий и неожиданностей мире. Он любил в первый раз, он в первый раз боролся с собой и узнавал хорошее и дурное в себе и людях первый раз и всерьез...

Потом были другие пьесы. И если молодость художника — не только возраст, но прежде всего отношение к миру, единственное, присущее молодым радостное узнавание необыкновенного в простом, счастливое удивление многообразием жизни, которое не может и не хочет затаиться, сдержаться себя, то Гунар Приеде и в первой, и в последующих своих пьесах оставался молодым.

Простое совершается в жизни его героев. Строит колхозный коровник Угис Даугавиетис. Учительница Элга радуется осени, ищет в дюнах янтарь и ждет первого дня занятий в школе. Сын крестьянки Алмы Нормунд, упрямый, молчаливый Нормунд, учит физику и собирает приемники, и заново готовится к будущим экзаменам. А «городская барышня», студентка Гундэга, копает картошку, слушает, как шуршит по крыше незнакомого дома дождь, и думает о людях — настоящих и тех, кто умеет притворяться настоящими.

Очень молодой герой, едва прочитавший первые страницы жизни, ищет ответ на извечный вопрос молодости: что такое хорошо и что такое плохо? И узнает необыкновенное в обыкновенном, себя и людей. Сам процесс познания жизни героем — вот интересное в пьесах Приеде.

В них есть ощущение непрерывной текучести жизни. И, может быть, поэтому каждая из пьес читается

как часть неизмеримо большого, что началось раньше первой строки повествования и кончится нескоро.

Главное, чему стремится научить драматург, так это прежде всего умение всматриваться в жизнь широко и непредвзято, не пугаться ее противоречий и сложности.

Самый большой успех ждал Гунара Приеде в Прибалтике. Особенно хорошо читались там и смотрелись там его пьесы, неторопливо и негромко рассказывающие об обыкновенном, какие-то особенно личные по той сосредоточенности, по углубленному вниманию, с которым драматург присматривался, прислушивался к малейшим душевным движениям своих героев, задумавшихся над жизнью.

В ремарках он избегал подробной обрисовки быта, казалось бы, необходимой для автора камерной, бытовой темы. Мы не знали, какова обстановка в холостяцкой комнате братьев Даугавиетисов и в доме матери Нормунда. Зато драматургу было очень важно, чтобы мы запомнили зеленую и мощную ветвь приморской сосны, осеняющую дом потомственных моряков («Пусть осень»), и тишину, и печаль песен, которые на его родине поют в Янову ночь («Лето младшего брата»), и ту капризную речку, которую перешли августовским вечером студенты-рижане в пьесе «Любимая Нормунда», и тот мостик, который сносит упрямая, своенравная речка каждый раз после дождей и который упрямый и своенравный Нормунд возвращает на место.

Молодым глазам молодых героев открывался мир, родной и привычный с детских лет. Чтоб писать об этом, нужно любить. И этих людей нужно любить, чтобы услышать музыку в певучем имени колхозной школьницы Даце; чтобы в старике Мартыне угадать отвагу и молодое удайство прежнего плотогона; чтобы понять молчаливое упорство крестьянского парня Нормунда и суровость вдовы Анны, у которой море отняло мужа и которая знает: море есть море... Они — сыновья, мужья, братья — пойдут и сделают, что им полагается, как всегда, а жены и матери будут гордиться тем, что они такие...

Чувство своей земли и людей, выросших на этой старой земле у моря, — одно из самых обаятельных свойств драматургии Приеде. С этим пришел он в литературу и на сцену, и еще — с молодостью своей, пытливой, доверчивой, нетерпимой и доброй.

Не все одинаково удавалось ему. Нередко он ставил вопрос и отвечал на него слишком отвлеченно и общо. Свободно, свободно начавшееся построение его пьес подчас становилось рыхлым, вялым. В образах его героев рождалась свежесть и определенность отдельных черт и качеств, и в то же время им не хватало цельности, масштабности, чтобы они превратились в значительные национальные характеры.

Многое пришлось ему тогда. В самом начале его было обещание будущей большой и богатой биографии художника.

Однако последние его пьесы — «Положительный персонаж», «Первый бал Вики», и «Троянский конь» не имели успеха.

Драматург и теперь еще очень молод. И потому несправедливо видеть в его неудачах что-то окончательное и необратимое. Однако какими бы неожиданными и парадоксальными ни казались эти неудачи они повторяются от пьесы к пьесе.

Приеде последних лет нельзя упрекнуть в самоуспокоенности. Ощутимы поиски нового качества, трудные, даже безжалостные к самому себе прежнего.

Никогда раньше он не увлекся интригой, захватывающим и бурным сюжетом. Теперь в «Первом бале Вики» маленькая школьница устраивает побег пойманного хулигана, и вокруг этого интригующего поступка тихони разворачивается все действие пьесы. Мать, выступавшая главной блистательницей нравственности, открывает для себя, что виновница — ее послушная и примерная дочь; талантливый молодой музыкант, после концерта избитый хулиганами, отказывается от своих претензий, боясь мести; юная гардеробщица, на которую падает подозрение в соучастии, признается в том, что у нее ребенок от бежавшего хулигана и тунеядца Зигмара и т. п.

Прежде авторское «я» драматурга было неуловимо и затуманено. Теперь, скажем, в «Положительном персонаже», ощутимо настойчивое желание заявить о своих конечных целях и выводах.

Итак, событийная сторона стала богаче, сюжет насыщеннее, авторское отношение к происходящему выражено определеннее. И все-таки нас не оставляет ощущение, что драматург мало что может сказать по поводу описываемого. Прежде рядовые, обычные события в жизни героев были поводом для раздумья, пускай не всегда глубокого, зато достаточно активного, живого, собственного.

Теперь исключительные происшествия, вроде побегов, признаний, разоблачений в «Первом бале Вики», таинственных появлений в чужой квартире («Троянский конь»), клеветнических доносов («Положительный персонаж»), рожают мысль настолько небольшую, подводят к итогам столь незначительным, что о них нужно заявлять в лоб, дабы они не остались незамеченными. И потому подчеркнутое авторское «я», появившееся в последних пьесах драматурга, кажется следствием не внутренней необходимости, а предварительной заданности повествования.

Приеде теперь заботит завершенность драматургической конструкции, которая стала жестче, законченнее, однако тщательная сделанность послед-

них его пьес лишь подчеркивает бесплотность их содержания.

Исчезли воздух, чувство и ощущение перспектив. В «Троян-

ском коне» происходит удивительная метаморфоза с излюбленными темами драматурга. Мысль о том, что мир не всегда и не сразу открывает себя истинного, проиллюстрированная историей Кайи-Кибуре, которая ворвалась в чужой дом захватчицей, а оказалась совсем не такой, оборачивается банальностью, скучным поучением на тему: не суди о людях с первого взгляда.

Судьба Гунара Приеде тесно сопрягается с судьбами других молодых и способных драматургов. Знание и представление о жизни, с которыми они выступают в литературу и которыми со всей щедростью молодости спешат поделиться со зрителем и читателем, постепенно исчерпываются самим движением жизни, тем, что каждый день рождает новое.

Если на смену юношеским, пускай талантливым, опытам не приходит глубокая и зрелая мысль, если багаж наблюдений растет, а понимание жизни, ее тенденций к новому остается прежним, не развивается, — пред автором реальная угроза погрязнуть в мелочах. Увлечение живой конкретностью, объяснимое, естественное в молодости, позже переходит в свою крайность — каждая частность становится сильнее общего вывода, общей конечной цели.

Перемена манеры письма у Приеде — своеобразная попытка распылчатости, неопределенности мысли искупить активностью формы. К сожалению, попытка эта, как случилось, например, с «Троянским конем», не принесла драматургу желаемого результата.

Драматург много пишет, много работает. В этом желании писать, печататься, ставиться тоже видна жадность и энергия молодости. Но иногда он торопится, забывая о требовательности к себе, спешит говорить с читателем и зрителем, не заботясь о серьезном и глубоком осмыслении увиденного. И тогда получается так, как случилось с недавним его сценарием «Вербка серая цветет». Даже самый благожелательный настроенный к Гунару Приеде человек не возьмется ответить на вопрос: для чего и кому нужна сегодня эта не новая история любви школьницы к молодому, но уже разочаровавшемуся в жизни артисту.

Тема, с которой Приеде пришел в литературу, была тема активной познания жизни. Пытливость ума, энергия и неутомимость мысли — вот что любил Гунар Приеде в своих героях. И когда актеры-рижане, исполнители «Троянского коня», спражались за пьесу своего драматурга, стремятся сообщить ей собственную, молодую и энергичную мысль и чувства, они идут от прежнего, лучшего Приеде, помнят его, мешают драматургу изменить самому себе.

В. МАКСИМОВА